Письмо к Чёрту: один малоизвестный пример древнерусского плюсквамперфекта

...ты четвёртый, последний чудный чорт в цвету.

Мандельштам

Грамота № 4, как видно из её номера, найдена одной из первых — в год открытия берестяных грамот, 1951 г. Первой десятке грамот повезло в разных отношениях: они целиком занимают первый том серии «Новгородские грамоты на бересте», комментарий достаточно развёрнут, изданы не только прориси, но и фотографии (позднее из томов они исчезнут), каждой из грамот дано собственное название. Грамота № 4 в издании 1953 г. [НГБ-I] озаглавлена просто «Письмо Микиты» (хотя в других письмах из первой десятки адресат, если его имя можно разобрать, в оглавлении указан): дело в том, что уж больно колоритное у корреспондента Микиты оказалось имя — по-нынешнему, Чёрт (Церть). Сейчас письмо датируется примерно второй четвертью XIV века. Принятое сейчас его прочтение ([ДНД], база данных gramoty.ru, подкорпус берестяных грамот в составе НКРЯ) таково:

```
    ™ микит·ѣ · ко цертоу · цто юсм·ь...

руцилъ · оу петра · на городищ·ѣ · н...

юрги · былъ · выдалъ · со двора · н...

не оувѣдалсм · а мене выдалъ... (ре)

клъ · юси железного · ...

рубль взмв·ъ · а ты н...

ндр- · исправи госп...

возми · сапозѣ ·
```

К сожалению, от письма Микиты к Чёрту сохранилась только левая часть, не дающая связного текста, а только в лучшем случае отдельные синтагмы: даже в первых, самых длинных сохранившихся строках, лакуны справа довольно велики. К пониманию этого пришёл А. А. Зализняк, предложивший схему реконструкции начала грамоты [Попр.— VIII: 283]. Он предположил, что в первой строке после *есмь* должно было быть указано лицо, за которое автор поручился. Издатели (допускавшие, что в конце первой строки лакуны не было) предполагали в тексте невозвратный бесприставочный глагол ручити. Глагол ручити в том примере, на который ссылаются издатели (поручная запись 1393 г. князя Олега Рязанского польскому королю Владиславу II, он же Ягайло, за своего зятя Корибута), выступает в составе ритуальной сочинительной figura etymologica (ручили мы и поручили). Оба сочинённых глагола вводят обозначение гаранта поручительства с помощью предлога у (ср. оу Петра в грамоте № 4), а объекта поручительства — при помощи предлога за. Правда, неясно, насколько этот пример может говорить о реальности такого глагола в Новгороде XIV века, поскольку документ составлен в Переяславле-Рязанском, вероятно, представителями Гедиминовичей, на языке с очевидными западными (старобелорусскими) чертами: слюбуемь, тыхь, тогды. С другой стороны,

словообразовательное гнездо (*поручить*, *ручаться*, древнее *рука* как синоним для *порука*, ср. грамоту № 531 и др.) заставляет думать, что в существовании глагола *ручити*, в общем, нет ничего неожиданного. Если допустить, что кроме имени в лакуне должны были уместиться отсутствующие в дошедшем до нас тексте disjecta membra более привычного глагола *поручитись* — приставка, возвратное *сы* и предлог (управление было вариативным: *по*, *въ* или *за*), — то это сталкивается с той сложностью, что энклитика *сы* была выше рангом, чем *есмь*.

Зализняк также предложил, с опорой на документ XVII века, убедительную трактовку ключевого слова *выдаль* — 'подвёл', а именно 'не выплатил долг' (*не оувтьдалсм*) и тем самым навлёк на своего поручителя по кредиту санкции.

Нас интересует отрезок *Юрги быль выдаль со двора*. А. А. Зализняк предполагает, что Юрий — тот же человек, который «выдал» автора в следующей строке и, таким образом, данная фраза «возможно, содержит ту же самую информацию, но это не совсем надежно». Перед нами повтор одного и того же глагола сначала в плюсквамперфекте (так называемой «сверхсложной» некнижной форме, см. [Петрухин, Сичинава 2006]), потом в перфекте. Причём открывается грамота еще одной формой прошедшего времени *есмь*... (...)руциль, которая теоретически может быть как перфектом, так и еще одним плюсквамперфектом с утраченным в лакуне быль, ср. сверхсложную форму *рекль еси быль* в грамоте № 195. Надо понимать, в пассаже о Юрии перед нами тоже значение "подвести" (а не, скажем, "отдать со двора какие-то вещи" или "выдать со двора для расправы", подобная каламбурная игра неуместна для весьма серьёзного письма). При этом, возможно, за обоими глаголами еще и стоит одна и та же ситуация. Для лаконизма берестяных грамот это нетипично.

Что может стоять за такой необычной стратегией и почему здесь избран плюсквамперфект? В берестяных грамотах плюсквамперфект, кроме обсуждаемого случая, встретился еще несколько раз, причем в довольно «нестандартных» функциях с точки зрения того, что традиционно принято считать о семантике этой формы. Например, сигнализация начала нарратива, по словам Зализняка, «относящая повествование в сферу не связанного с настоящим моментом прошлого». Это типологически хорошо известная функция плюсквамперфекта и связанных с ним форм, которую можно назвать «сдвиг начальной точки» [Сичинава 2008; 2013]. В наиболее чистом виде она представлена в знаменитейшей грамоте № 724 (Оставили мл были людье, да остать дани исправити было имъ досени, а по первому пути послати и отъбыти проче. И заславъ Захарьм въ в[гь]ре уроклъ...). С плюсквамперфекта начинается изложение сути дела ещё в двух поздних грамотах (упомянутая № 195, XIV в.: реклъ еси быль во своемь селъ верши всъ добры; а также № 300, XV в.: *и Терохъ возилесь быле в ...имовъ хоромъ*; то и другое, как и в № 724, сразу после адресной формулы), но, к сожалению, дальнейшая часть обеих грамот утрачена. Можно предположить, что в грамоте № 195 автор опровергает слова адресата — фактически с хлебами в селе всё оказалось не так хорошо.

Еще в нескольких грамотах официально-делового содержания, по-видимому, представлена «перформативная» функция в сочетании с характерным для этой формы (как типологически, так и в древнерусском) значением «аннулированного результата» [Петрухин 2013: 91] — выбор плюсквамперфекта сигнализирует читателю о том, что некоторое действие данным актом отменяется, например, Сь урадъсл <-дисл> Аковь съ Гюрьгьмо и съ Харътономъ по бъсудьнои грамотъ, ито былъ возлъ Гюрьгъ грамоту в ызыъжьнои пьшьнъцъ, а Харътоно во проторъхо своъхъ (грамота № 366, вторая половина XIV века). Формально здесь можно усмотреть «предшествование в прошедшем», но фактически это указание на прекращение действия бессудной грамоты.

Аналогично употреблена форма плюсквамперфекта в «памяти про Местятку на Радослава» (грамота № 213, середина XIII века) или в имеющем характер полуофициальной претензии к свойственнику письме № 705 (начало XIII века). Такая функция особенно характерна для бумажных грамот среднерусского периода, а также для канцелярской «простой мовы» Великого княжества Литовского. В любом случае перед нами не юридический документ, а значит, перформативное значение нам не подходит.

Возможно, перед нами микронарратив с дублированием информации, реконструируемый примерно так: «Что касается того, что я (за Юрия) поручился у Петра на Городище, н(а том меня) Юрий подвёл: с ... не расплатился, а меня подвёл». Кажется, такое решение наиболее экономно по длине конъектур. При этом решении быль в составе плюсквамперфекта не выступает в качестве фразовой энклитики последнего ранга (как в остальных берестяных грамотах), а стоит после подлежащего; известно, что его статус как энклитики «установился не вполне прочно» [Зализняк 2008: 40], см. также ниже. Не очень ясно, что такое со двора; как будто бы к контексту ни глагола выдати 'подвести', ни глагола увъдатисм обстоятельство «со двора» не подходит. Расплатиться можно не «откуда-то», а «с кем-то»: ср. чуть более раннюю грамоту № 142, где встретился этот же глагол увъдатися с таким управлением. Может быть, со двора н... — это, например, со dворан(ы) или со dворан(иномъ); буква после p, как представляется, на высококачественной фотографии из базы gramoty.ru (http://gramoty.ru/gramoty/bb004.jpg) похожа на то, как Микита пишет юс малый. Отметим, что одна буква a в этой грамоте уже правилась на юс: А. А. Зализняк [Попр.-ІХ: 125] установил, «что в шестой строке читается взмвъ, с м (тогда как опубликованная в издании прорись допускала также прочтение взавъ)». Прорись из издания изображает также точку после двора; входит эта точка и в принятый сейчас текст грамоты. Точки в данной грамоте обычно стоят после последней буквы слова и/или перед ней, но и этот знак, судя по фотографии, сложно считать совершенно надёжным (с другой стороны, на снимке виден и нигде не отмеченный в литературе гораздо более «жирный» интерпункт между слогами слова ме не; если он реален, тогда и точка в предполагаемом $\partial sopa \cdot H(bi)$ стоит в такой же позиции).

Именно «дворян» посылают решать финансовые конфликты, например, в таких грамотах XIV века, как №№ 67, 289, 345, да и в более ранних (ср. финал знаменитой грамоты № 531): в нашем случае получается, что злостный должник оказывается несостоятельным даже перед лицом официального коллектора¹. Упомянутое ниже в нашей грамоте железное, как отмечают издатели, в XIV веке имело значение «пошлина, которая уплачивалась дворянину (подчеркнуто нами — Д. С.), налагавшему оковы на обвиняемого, если обвиняемый не имел поручителя» [НГБ-I: 31]; вероятно, это продолжение того же сюжета, и не исключено, что в данной ситуации оковы грозят самому поручителю, Миките. Отсутствие союза перед со нормально и объясняется «смысловым двоеточием». Между со дворан(ы) и не увъдалса, по расчёту лакуны, должен был быть и еще какой-то текст (например, нередко при упоминании дворян, детских, отроков и тому подобных мастеров отъёма денег говорится, чьи они).

В таком случае дискурсивный плюсквамперфект как бы резюмирует суть микронарратива в самом начале: в грамоте № 724 Савва лишен поддержки своих людей, а здесь Микита

¹ Правда, сказать «расплатиться» всё-таки естественнее о фактическом контрагенте (а не о том, кто приехал от него за деньгами). Впрочем, и дворяне/детские и т. п. получали от должника штраф на судебные и/или транспортные издержки («погон», грамота № 295).

оказывается в сомнительном правовом положении (если уже и не прямо пишет Чёрту из тюрьмы). Это своеобразный вариант значения «сдвиг начальной точки», в типологической работе [Сичинава 2008; 2013] не выявленный. Возможно, эта функция элемента былгенетически связана не только с плюсквамперфектом как таковым, но и с северорусским «избыточным есть», экзистенциальным показателем, выделяющим некоторое важное положение дел (развивая идею М. Н. Шевелёвой, ср. [Шевелёва 2007, Петрухин 2013: 76]). Известно такое есть, по-видимому, и в берестяных грамотах XIV века (письмо № 252). Кстати, если это по происхождению «не совсем плюсквамперфектное» быль, то это объясняет и то, почему в данной реконструкции оно стоит не на месте энклитики.

Впрочем, нарратив тут же и кончается, и автор переходит к конкретным указаниям для Чёрта, пересказывая его предыдущее письмо при помощи формулы реклъ еси (современное «ты пишешь, что..»), а затем, как отметили уже издатели, обращаясь вслед за Чёртом и ещё к кому-то, может быть, (Алекса)ндру (столь же характерная формула смены адресата а ты...; ср. [Гиппиус 2004]). Возможно, адресаты — домочадцы Микиты, ср. финальную просьбу «взять сапоги». К сожалению, от этой части письма осталось совсем мало. Как указали издатели и А. А. Зализняк, императив исправи может относиться к урегулированию возникшего конфликта; добавим, что для этого же, возможно, требовалось и рубль взати. Именно поэтому при такой схеме реконструкции видеть в быль выдаль значение аннулированного результата, кажется, нельзя: к моменту написания грамоты долг явно не погашен и инцидент не исчерпан.

Есть, кажется, и еще одна возможность истолковать плюсквамперфект в этой грамоте, требующая, правда, гипотезы о большем объёме лакун: быль выдаль может значить «чуть было не подвёл» (авертивное, или проксимативное значение). Для древнерусских текстов такое значение, кажется, пока не было известно, но в XVIII веке оно уже очень активно с глаголами необратимого результата: я умер было от желудка (Крылов), содрал было кожу (Фонвизин), замерз было (Львов) [Сичинава 2012]. Тогда надо предположить, что автор поручился за Юрия и еще кого-то, после чего Юрий его чуть было не подвёл, а второй персонаж не расплатился с дворянами и подвёл на самом деле. У этой версии те преимущества, что она не предполагает двукратного изложения одной и той же ситуации, четче семантизирует оппозицию между плюсквамперфектом и перфектом, а также делает более естественным реконструируемый повтор имени Юрия (если бы тот был единственным контрагентом, «конкурирующих» референтов бы не было). Прагматически, впрочем, она выглядит хуже: сообщение о «чуть было не» произошедшем событии (да еще и без подробностей и до известия о реальном несчастье) могут оправдать только эмоции писавшего. Кроме того, перед предполагаемым со дворан- тогда требовался бы союз а (даже в современном языке). На те же трудности наталкивается и предположение о значении собственно аннулированного результата при другом субъекте (допустим, первый должник «подвёл было» Микиту, но потом всё же заплатил долг, а второй нет).

Таким образом, письмо к Чёрту заставляет задуматься о дискурсивной семантике и прагматике древнерусского плюсквамперфекта, а это неизбежно ставит вопросы об интерпретации грамоты в целом (в частности, позволяет предложить буквенную поправку к её чтению). Не исключено, что открытие новых берестяных грамот поможет решить эту загадку и принесёт новые сюрпризы.

Гиппиус 2004 — А. А. Гиппиус. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1997—2000 годов. М.: Русские словари, 2004, 183—232.

ДНД — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004

Зализняк 2008 — А. А. Зализняк. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008.

НГБ-I — А. В. Арциховский, М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1951 года. М., 1953

Петрухин, 2013 — П. В. Петрухин. К прагматике сверхсложного прошедшего времени в восточнославянской письменности // Wiener Slawistischer Jahrbuch, neue Folge 1, 74—98.

Петрухин, Сичинава 2006 — П. В. Петрухин, Д. В. Сичинава, 2006. «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. М.: Языки славянской культуры, 193—214.

Попр.-VIII — А. А. Зализняк. Поправки и замечания к чтениям берестяных грамот (Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения, параграф 87) // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1977—1983 годов. М.: Наука, 1986, с. 181—217

Попр.-IX — А. А. Зализняк. Поправки и замечания к чтениям ранее опубликованных берестяных грамот // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1984—1989 годов. М.: Наука, 1993, с. 123—180

Сичинава 2008 — Д. В. Сичинава «Сдвиг начальной точки»: употребление некоторых глагольных форм в интродуктивной функции // В. А. Плунгян, В. Ю. Гусев, А. Ю. Урманчиева (ред.) *Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Дискурсивные категории*. М.:«Индрик», 241—274.

Сичинава 2012 — Д. В. Сичинава. Частицы было и бывало в русском языке XVIII века // Русский язык в научном освещении, № 2 (24), 2012, 257—284.

Сичинава 2013 — Д. В. Сичинава. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М.: АСТ, 2013.

Шевелева 2007 — М. Н. Шевелева. «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // Русский язык в научном освещении, № 2 (14), 2007, 214—252.